
---

*Мигель СОБРАДО ЧАВЕС,
Хорхе ВАРГАС КУЛЛЕЛЬ*

Социальная наука и социальная ТЕХНОЛОГИЯ

Прощание с ритуалом

Может быть, тот факт, что естественные науки, уже начиная с XVI в. — с Н. Коперника, а затем Г. Галилея, И. Ньютона и, наконец, Ч. Дарвина, — стали отделяться от теологии, сделал возможным мирное признание теории относительности и других революционных идей. В конце концов, А. Эйнштейну, в отличие от Галилея, не пришлось противостоять системе идей, связанной с политической властью.

В общественных науках сложилось иное положение — там зачастую преобладает удивительное стремление к восхвалению или к преданию анафеме. Похоже, что все здесь хотят найти философский камень для того, чтобы обрушить его на голову соседа.

Это стремление проистекает из неизбежной связи между властью и общественными науками. Как в связи со своим объектом — изучением человека и форм его социальной организации, — так и в связи с последствиями его деятельности социальные теории могут способствовать стабилизации или дестабилизации обществ, раскрывая основные механизмы их устройства. В этом смысле общественные науки отличаются от естественных весьма существенно. Власть тенью следует за теоретической работой в области общественных наук.

Исторически сложился наиболее часто встречающийся тип отношений между общественными науками и властью — отсутствие дифференциации, основной причиной чего является смешение науки с технологией, применяемой в социальной сфере. Это смешение весьма существенно. Когда мы говорим об общественных науках, то имеем в виду знание, которое позволяет определить факторы, объясняющие организацию обществ, формирование идентичности, коллективного и индивидуального поведения. Когда говорим о технологии в социальной сфере, имеем в виду системы идей и правовые, политические и институциональные механизмы, используемые властью для осуществления контроля и управления социальными процессами, что может способствовать легитимации центров власти или оспариванию их права на обладание властью.

Наука и технология несмотря на свою многостороннюю связь существенно различаются между собой. Технологии, разрабатываемые для осуществления контроля над людьми или над природой, могут основываться или не основываться на научных открытиях, а подчас могут опережать их, однако их целью является удовлетворение специфических и достаточно разнооб-

---

*Собrado Чавес Мигель — социолог, профессор Национального университета Коста-Рики,
президент Коста-Риканского института социальных исследований.
Варгас Куллель Хорхе — социолог, лицензиат Университета Коста-Рики.*

разных потребностей. Выбор технологии, используемой в социальной сфере, испытывает на себе сильное влияние политической власти и политики как таковой.

Научное открытие может стать основой для разработки различных, даже противоположных по задачам технологий. Примером тому может служить открытие ядерного деления. С использованием его результатов была создана атомная бомба, ставшая главным орудием милитаризма, однако была разработана и технология применения ядерной энергии в мирных целях. Еще более близкий к нашей теме пример связан с социальным феноменом отчуждения труда.

Первое научное исследование отчуждения труда было осуществлено К. Марксом в середине прошлого века. Преодоление отчуждения посредством революционного переустройства общества было одним из основных постулатов марксистской доктрины, обосновывавших построение социалистических режимов. Примечательно, что в наши дни понятие «отчуждение труда» уже не является монополией марксизма. Понимание этого феномена и его причин может сильно отличаться от формулировки Маркса, а технологии преодоления отчуждения также весьма различны как по своим целям, так и средствам. Управление современными предприятиями, основанное на успешном опыте развития японских фирм, предполагает суровую критику отчуждения труда, порождаемого применением тейлоризма в производстве товаров и услуг. Говорится о необходимости переоценки труда рабочего как основы постоянного технологического обновления, завоевания рынков и оптимального получения прибылей — для этого предлагается преобразовать труд рабочего в творческий труд с неким набором первичных уровней ответственности за управление предприятием. Современное управление предприятием уже расценивает синдикализм как неизбежный продукт традиционной организации фирмы. Однако несмотря на признание отчуждения и намерение бороться за его преодоление речь не идет ни об участии трудящихся в собственности фирмы, ни об обобществлении экономики, как это постулировал марксистский социализм.

Приведенный пример является иллюстрацией различия между наукой и технологией, применяемой в социальной сфере. Но это различие не было утверждено на практике. Может быть, раскол мира на конфликтующие между собой идеологии превратил социальные теории не только в необходимые составные части технологии управления социальными процессами, но также и в мощные орудия оправдания существующей политической власти. Таким образом, марксистская социальная теория оказалась на службе режимов «реального социализма» или революционных движений, а неоклассическая экономическая теория — на службе у капиталистических режимов. Поскольку же в нашу эпоху «научное» обоснование политических действий приблизилось к той функции, какую прежде выполняли религиозные апелляции, то развитие общественных наук затрудняется и замедляется, когда они сливаются с системами идей, легитимирующими или оспаривающими власть, когда наука сводится к технологии, находящейся на службе у власти.

Определенные течения общественной мысли, скорее всего, самые известные, были тесно связаны с осуществлением власти в некоторых обществах. Такова судьба марксизма. Однако симбиоз науки и власти закрывает научную деятельность в рамки, определяемые целями сохранения существующего политического строя. Так как власть обычно отвергает притязания на нее со стороны своих идейных противников, общение между течениями мысли зачастую превращалось в спор, который прямо или косвенно был спором о власти. Так, спор между марксистской экономической теорией и кейнсианской экономикой в контексте биполярного мира выливался в борьбу между «реальным социализмом» и капитализмом. В таких условиях прак-

гически не оставалось пространства для диалога между различными научными теориями.

Может быть, поэтому мы и сегодня еще наблюдаем в общественных науках повторение древнего ритуала освящения, лежащего в основе любого магического или религиозного мышления: мыслителей сакрализуют, приговаривают к остракизму или символически убивают. Этот ритуал имеет место всякий раз, когда меняется «сезон власти» — во времена кризиса 30-х годов гонениям подверглась неоклассическая школа экономики, а во времена кризиса режимов «реального социализма» к смерти приговаривается марксизм.

Но этот ритуал, видящий в каждом освящении весны рождение нового мира, имеет очень мало общего с динамичным видением мира в естественных науках. Не игнорируя дистанции между различными течениями общественной мысли, необходимо начать конструктивную работу по закреплению вклада каждого из них в развитие научного знания на протяжении почти полутора веков — с тех пор, как устами О. Конта общественные науки потребовали для себя право гражданства. Эту работу следует проводить независимо от проверки теорий на «истинность» в свете судеб тех или иных режимов, бравших их на вооружение.

С другой стороны, несмотря на ритуалы и смешение общественных наук с системами идей, разработанными для легитимации власти, примечательно, что отдельные положения этих наук пережили даже падение режимов, пользовавшихся ими. Нравится это кому-то или нет, но Г. Спенсер был прав, говоря о тенденции обществ эволюционировать от простого к сложному, несмотря на падение Британской империи и анахронизм его биологизированного видения общества. То же самое можно сказать о Марксе — его понятие конфликта как неотъемлемого элемента социальной жизни подтверждает свою жизненность несмотря на падение ряда режимов «реального социализма». Наверное, наиболее адекватным способом творческого развития общественных наук является отделение производства знаний от систем идей, разработанных в качестве технологий для осуществления власти. Тогда мы перестанем допытываться, умер ли марксизм, должны ли быть приговорены к остракизму Э. Дюркгейм или Спенсер; тогда мы будем пытаться выяснить, какие аспекты их теорий выдержали испытания временем и представляют собой вклад в развитие общественных наук.

Очарование власти

«Волки выбегают из Женева и из других мест Германии, а впереди себя они послали свои книги, полные чумных учений, богохульства и ереси для заражения людей», — зловеще предупреждал о действиях протестантов в 1559 г. архиепископ Винчестерский. Эпоха Реформации была в самом разгаре.

М. Лютер, У. Цвингли или Ж. Кальвин были мыслителями, бросившими вызов средневековому политическому и религиозному укладу, державшемуся на власти римской церкви. Несмотря на крупные различия — и даже антагонизмы — между их учениями, политическими действиями, они явились представителями исторического течения и традиции мысли, объединяемых под названием «Реформация».

Спустя более чем два столетия возникла новая традиция мышления, оказавшаяся способной вызвать потрясения сходного масштаба — социализм. Он также навлек на себя гнев и проклятья, похожие на те, что исходили из уст архиепископа Винчестерского.

Определение социализма в качестве традиции мышления довольно-таки расплывчато, однако очень трудно раскрыть в иных рамках столь широкую

гамму мыслителей и общественных движений, которые в течение полутора веков утверждали о своей принадлежности социализму.

Как идейная традиция! социализм является прямым наследником Просвещения и Великой французской революции; своим ориентиром он имеет утопию коммунистического общества. Этой традиции присущи критическое отношение к капиталистическому обществу и положение о коренном его преобразовании — в короткие или более длительные сроки — для достижения утопии.

Однако на почве сходных идей появилось огромное разнообразие социалистических течений. На протяжении длительного исторического периода каждое из них не только по-разному оценивало состояние общества, но также весьма своеобразно воспринимало и саму утопию, формулируя столь различающиеся между собой стратегии социальных и политических преобразований, что в определенных случаях между ними возникал открытый антагонизм. Вспомним, например, о глубоких различиях между анархизмом, марксизмом или социал-демократией в вопросах стратегии преобразования общества или оценки режимов «реального социализма». Социалистическая традиция сегодня напоминает старое дерево, толстый ствол которого поддерживает пышную крону, а ветви растут все более отдаленно и независимо друг от друга.

Марксизм явился одним из главных течений в традиции социалистической мысли. Он отличался от других социалистических течений не только конкретным содержанием своих положений, но также и попыткой глобального охвата действительности. Марксистское течение одновременно охватывало различные измерения философского и социального знания, стремясь разработать целостную научную теорию как для естественных, так и общественных наук и сформулировать общезначимую концепцию мироздания. Марксизм основывался на гуманистической доктрине, рассматривавшей человека как субъекта, который нуждается в совершенствовании и «естественным» состоянием которого должно быть мирное сосуществование людей с природой и друг с другом в условиях свободы. В основание марксизма была также заложена идея неуклонного прогресса, все большего овладения законами развития и преобразования общества и природы.

В своем стремлении к глобальному охвату действительности марксизм сделал особый упор на мировоззрение, служившее основой для диалектического и исторического материализма. Фактически — а ведь речь идет о реалиях XIX в.— это мировоззрение претендовало на научное объяснение действительности и хорошо согласовывалось с представлениями, сложившимися в науке XIX века.

Сложность вопроса о мировоззрении марксизма заключается в том, что оно — в особенности после возникновения режимов «реального социализма» — превратилось из более или менее развитого основания теории в идеологическую основу политической власти в социалистических обществах. Правда, еще до этого марксистские движения, будучи политической революционной оппозицией, сделали мировоззрение моральной основой своей политической деятельности.

Используя марксизм в качестве идеологической основы политических режимов, его адепты избирательно сохраняли определенные положения марксистского мировоззрения и в то же время разрабатывали новые, постулаты. Мы говорим об избирательном подходе, поскольку, например, в условиях социалистических режимов концепция гуманизма и свободы, имеющаяся в ранних произведениях Маркса, была предана забвению, а упор

¹ Говоря о мировоззрении, мы имеем в виду систему идей, оценок, норм, моральных установлений и верований, которые порождают определенный образ восприятия каждодневной действительности.

делался на положения, подчеркивающие объективный характер законов общественного развития, их преобладание над индивидуальной волей.

Трудно квалифицировать вышесказанное как простое искажение марксизма, как его неверную интерпретацию. Да, несомненно, извращение было и немалое. В качестве примера здесь можно привести тезис о том, что в социалистических обществах вместе с исчезновением буржуазии исчезли и социальные антагонизмы — сохранились лишь вторичные противоречия, контролируемые посреднической деятельностью партии-государства.

Вместе с тем извращения не являются наиболее значимой проблемой. Здесь следует помнить о двух вещах. Во-первых, в историческом плане всякая официальная идеология стремится сделать упор на ценности, обеспечивающие подчинение власти, даже если данная идеология прежде носила революционный характер. Марксизм в этом смысле не является историческим исключением — достаточно вспомнить христианство после Константина или идеологию Великой французской революции. Во-вторых, явное смещение мировоззрения с научной теорией облегчило все остальное. Социалистические режимы приняли — и приспособили к себе — марксизм, посчитав неуместным воспроизвести то, что говорилось в теории относительно «научности» мировоззрения. В рамках этого современного парадокса наука превратилась в идеологию власти.

Как идеология власти марксизм принялся за разработку определенных Этики, морали: революционер — самоотверженный, бескорыстный и всецело преданный великому делу — представлялся в качестве примера для подражания миллионам рядовых людей; насильственная революция понималась как путь освобождения от нищеты и несправедливости, царящих в мире; марксистская наука обожествлялась и становилась истиной в последней инстанции; наконец, «новый человек» представал как результат освобождения личности.

Возвращаясь к сказанному выше, следует отметить, что марксизм несмотря на атеистическую его направленность содержит в себе элементы, аналогичные великим религиям — христианству, например. Во-первых, указанные религии также дают своим последователям соответствующее мировоззрение. Во-вторых, в историческом плане они были тесно связаны с политической властью, потому что фактически составляли идеологический фундамент определенных обществ и образовывали собственные структуры контроля (церковная иерархия в христианстве — коммунистическая партия при социализме). Наконец, несмотря на проповедь терпимости и солидарности как христианство, так и марксизм в определенные исторические периоды проявляли крайнюю нетерпимость и подвергали жестоким преследованиям тех, кто, по их мнению, представлял для них угрозу. Торквемада, этот зловещий инквизитор, превративший пытку в сакраментальный метод, в определенной степени явился порождением христианского освобождения, своего рода падшим ангелом. Вышинский, сталинский сатрап, не придумал ничего нового, как возродить эту аберрацию от имени социализма в XX веке.

Итак, мы утверждаем, что марксистское направление социалистической мысли развивалось в течение полутора столетий в двух ипостасях — как социальная теория, нуждающаяся в научном обосновании, и как технология осуществления власти. Обе ипостаси были тесно взаимосвязаны, и теперь зачастую стоит немало труда отделить их друг от друга — например, в случае с социальной революцией, выступающей одновременно в качестве части политической программы и метода освобождения.

Именно эта взаимосвязь превращает марксизм в чрезвычайно сложный и не вполне четко очерченный феномен — начав дискуссии вокруг какого-либо положения марксистской теории, исследователь зачастую завершает ее дебатами по этике или морали.

В известной степени марксизм переживает внутри себя ту же самую борьбу, что происходила в VI—XVII вв. в естественных науках по отношению к теологии. Могут ли разделиться вышеуказанные ипостаси марксизма? Возможно, но это будет означать существенные изменения в нем. Верно то, что как метод исследования марксизм по-прежнему включает в себя весьма интересные возможности, и, как мы увидим ниже, некоторые его теоретические выводы, по нашему мнению, сохраняют свою жизнеспособность. Но как технология осуществления власти марксизм, похоже, подписал себе окончательный приговор вместе с кризисом режимов «реального социализма». Если тенденция его дальнейшего развития будет похожей на эволюцию других западных религий, то он окончательно превратится в вопрос веры, в субъективный феномен, не имеющий возможности претендовать на статус истинной доктрины.

Может быть, освободившись от отягчающего балласта, марксистская теория сможет пойти вперед более быстрыми шагами при меньших потрясениях и без омертвляющих ритуалов.

Материнское чрево социальной теории

Что означает освободить теорию от груза технологий осуществления власти? В концептуальном плане это означает, что ученый может верить в Бога, в Аллаха или перевоплощение, но социальная теория несмотря на свою укорененность в определенном мировоззрении не может давать последнему научное обоснование. Социальная теория не может превращаться в самоцель в поисках объяснения своей деятельности.

Марксизм, как и другие учения, возникшие в XIX в., решил эту проблему посредством превращения научных положений в аргументы для подтверждения своего мировоззрения. До недавних лет это смешение теории с мировоззрением пронизывало дискуссии в общественных науках и являлось одной из причин того, что дискуссии вокруг марксизма были прежде всего политическими, идеологическими и этическими спорами.

Это смешение следует устранить для того, чтобы определить рамки научной дискуссии о социальной теории. Здесь немногие исследователи могли бы соперничать с пронизательностью М. Вебера, указавшего на различие между теологией и наукой. Первая стремится дать объяснение мира, исходя из «откровений», но не знаний, а вторая, несмотря на то, что она полностью не свободна от допущений (посылок), претендует на «разъяснение и познание взаимосвязанных фактов». По словам Л. Толстого, наука не может ответить на вопросы «что делать?» и «как жить?», а ведь это самые важные вопросы для человеческого общества. При этом признается, что научное объяснение может помочь человеку определить конечный смысл своего собственного поведения.

В отличие от того, что думал Вебер, допущения, от которых не свободны общественные науки, охватывают также понятия, относящиеся к человеку, обществу и природе. До наших дней научное знание вырабатывалось исходя из этих понятий, служивших горнилом для социальных теорий. Мировоззрения задают темы исследования, проблемы, которые наука пытается решить. Не случайно, например, что марксистская социальная теория сконцентрировалась на изучении социальных структур и социального неравенства. Достаточно вспомнить концепцию человека как совокупности общественных отношений и критическое отношение к капиталистическому обществу, присущие марксистским взглядам. Не случайно в этой связи и отсутствие должного внимания к роли индивида в истории или к микроэкономике в экономической теории марксизма. В этом смысле мировоззрения неизбежно сопутствуют социальным теориям, и до сих пор человек не придумал формы развития науки, полностью свободной от них.

Проблема заключается в том, что до недавнего времени социальные теории воспринимались в качестве метода для утверждения неопровержимости мировоззрений, подчиняясь своим исходным допущениям. В этой связи весьма поучительно и ярко звучит вопрос Вебера: «Кто отважился бы «научно опровергнуть» Нагорную проповедь? Например, тезис о непротивлении злу или совет подставить другую щеку?». Однако в общественных науках и, в особенности, в марксизме был такой соблазн.

Все вышесказанное означает, что:

- а) мировоззрения не являются общественными науками, несмотря на то, что они содержат предпосылки социальных теорий и мотивацию для их формулирования. Мировоззрения служат для общественных наук своего рода материнским чревом;

- б) целью общественных наук не является возвеличение или развенчание мировоззрений. Несмотря на то что определенные научные открытия могут подтверждать или опровергать некоторые посылы соответствующих мировоззрений, ни в одном из этих случаев наука не должна выступать в качестве меры истины по отношению к концепциям, служащим для нее основанием;

- в) разработка технологий осуществления власти, даже когда последние основываются на научных открытиях, выходит за рамки общественных наук, несмотря на то, что ученый как индивид может активно участвовать в создании или применении этих технологий. Социальные теории могут раскрывать характер, достижения и ограниченность определенных технологий, и эти знания могут использоваться для модификации последних, однако, как говорил Вебер, «этим мы указываем на основное предназначение науки в деле достижения ясности и в то же время очерчиваем пределы ее возможностей».

Освобожденная от своего телеологического смысла дискуссия о научном вкладе марксизма — это может оказаться полезным и для других теорий — приобретает новое измерение. Рай или коммунизм — это не научные факты, хотя ученые как индивиды могут горячо верить в то или в другое; это не научные факты, даже если поиски земли обетованной служат мотивацией научной деятельности.

Если это так, мы можем вернуться к рассмотрению любого аспекта марксистской социальной теории, не будучи обязанными предварительно выстраивать некое политико-идеологическое обоснование, развенчивая либо возвышая мировоззрение или политическую власть, которая использовала эту теорию в качестве основы для собственной легитимации.

Прощание с невинностью

Даже после того как марксизм исчерпает себя в качестве течения общественной мысли, дискуссия вокруг вклада марксизма в развитие общественных наук будет чрезвычайно широкой и плодотворной. Находясь в рамках эпохи, все еще несущей на себе следы «холодной войны», мы постарались подойти к данному вопросу по-другому, отделяя споры по проблемам этики, морали или «реального социализма» от тех положений марксистской теории, которые сохраняют свою жизненность.

Отличительной чертой марксизма, сформировавшегося в XIX в., являются вера в приоритет объективных законов развития действительности и объяснение взаимосвязи между явлением и сущностью. Физика XX в. дала миру два открытия, которые с неизбежностью подвергают сомнению оба эти положения. С одной стороны — общая теория относительности, благодаря которой допускается существование законов развития материи, действующих лишь в определенных координатах времени и пространства. С другой — принцип неопределенности, сформулированный в квантовой механике, со-

гласно которому даже если известны факторы, воздействующие на определенный феномен, то все равно невозможно предопределять его будущее поведение; возможно лишь разработать сценарии вероятной эволюции, приближая их к действительному развитию событий. Принцип неопределенности меняет причинную модель объяснения явлений, так как воздействие неких причинных факторов не обязательно приводит к ожидаемому следствию — возможны и другие варианты. По словам английского физика С. Хоукинга, квантовая механика «неизбежно вносит элемент непредсказуемости, случайности в науку», подвергая тем самым сомнению положение о том, что для прогнозирования эволюции действительности, следовательно, и для ее преобразования достаточно познать законы, управляющие ею.

Принцип неопределенности оказывает также прямое воздействие на марксистскую концепцию сущности, под которой, согласно В. Ленину, понимается закономерность, управляющая явлением (фактор, детерминирующий его в рамках причинной модели) в определенный период. Само понятие «сущность», равно как и понятие «закономерность», приобретает вероятностное, относительное значение — не только в смысле «исторической относительности», но также и потому, что всегда будет возможно найти новый фактор, позволяющий исследователю приблизить модель к действительному ходу развития событий.

Концепция действительности

Марксистская концепция действительности как процесса, объяснение которого проистекает из факторов, присущих ему самому, явилась, по нашему мнению, вкладом в развитие общественных наук, который и сегодня сохраняет свою актуальность. Основные положения данной концепции следующие:

— действительность находится в процессе постоянного преобразования, абсолютно лишь движение;

— действительность должна пониматься как всеобщность; все ее элементы взаимосвязаны и не могут существовать вне этой взаимосвязи (понятие системы);

— единство и борьба противоположностей — это принцип объяснения постоянного преобразования действительности (равновесие — временный результат единства и борьбы противоположностей);

— как всеобщность, находящаяся в процессе преобразований, действительность эволюционирует не по воле случая, но в результате действия объективных законов развития, поддающихся познанию.

По нашему мнению, Маркс, воспринимая действительность как систему (всеобщность), подверженную постоянным преобразованиям, принцип объяснения которых коренится в единстве и борьбе противоположностей, сформулировал концепцию, и поныне в общих чертах сохраняющую актуальность и используемую, по крайней мере частично, другими теориями, например теорией систем. С другой стороны, современная физика разделяет некоторые положения данной концепции действительности.

Вместе с тем марксистская концепция действительности с точки зрения нынешних знаний содержит и весьма спорные элементы.

Концепция социального конфликта

Марксистские положения об историческом характере форм экономической, политической и социальной организации человеческих обществ, системный подход к обществам и значимость конфликта для развития обществ не получили сколько-нибудь состоятельного опровержения. Иная участь

постигла марксистскую концепцию классовой борьбы, положение о неизбежности замены капитализма социализмом и тезис об обусловленности в конечном счете социальных явлений экономическими процессами — все они подвергаются ныне серьезным сомнениям.

Значимость конфликта при объяснении социальных явлений составляет действительное достижение марксистской мысли — ныне множество авторов, представляющих различные традиции и школы, признают существование конфликта как неотъемлемого атрибута социальных отношений, а вовсе не как порока или патологии. Представляет немалый интерес, например, разработка американскими исследователями теории игр и моделей сходства (симуляции), применяемых в теории принятия решений и при урегулировании конфликтов путем переговоров.

Необходимо вместе с тем пересмотреть роль, отводимую классовой борьбе как двигателю истории и сердцевине социального конфликта. Наличие столкновений между классами при определенных обстоятельствах несомненно, однако не вызывает сомнения и тот факт, что это не единственный источник социального конфликта и подчас не самый важный. Конфликты, порождаемые, например, экологическими проблемами, отношениями полов, религий, правовыми установлениями (смертная казнь, запрет аборт) или гонкой вооружений, не обязательно находят свое объяснение в классовых столкновениях и могут (в зависимости от обстоятельств) быть важнее классовых конфликтов.

Вместе с тем здесь следует сделать важное признание: наряду с конфликтом (скрытым или явным), имеющим большую значимость для объяснения общественных явлений, не менее важен и консенсус, который следует рассматривать не как форму конфликта «в себе» или как тактическую маскировку последнего, но как самостоятельный фактор, подчас более (иногда менее) важный для понимания хода развития социальных явлений, чем конфликт. Мы понимаем под консенсусом сотрудничество различных социальных групп (классов, религиозных организаций, партий и т. д.) с целью достижения определенных целей, соответствующих их интересам. Конфликт и консенсус всегда сосуществуют в рамках общества, однако в зависимости от обстоятельств их удельный вес, равно как и формы взаимосвязи, меняются.

В рамках социальной теории необходимо также отказаться от предпосылки обусловленности в конечном счете социального (в широком смысле слова) экономическим. Верно то, что Ф. Энгельс высказывался против упрощенного истолкования данного тезиса, ограничивая его применение рамками наиболее обобщенного анализа социальных процессов в течение длительного исторического времени, однако этого все же недостаточно. Здесь речь идет не об отрицании того факта, что для определенных исторических процессов экономическое начало явилось определяющим фактором и что, вероятно, при долгосрочном подходе эта детерминированность будет прослеживаться особенно четко. Столь же важно признать возможность того, что не всегда экономическое начало является детерминирующим фактором (вероятно, здесь отсутствует общее правило), даже при исследовании развития обществ в долгосрочной перспективе.

Пленники своей эпохи

Вопрос о социализме, на наш взгляд, можно подразделить на две части: жизненность «реального социализма» как социально-политического режима, существовавшего или существующего в ряде стран (в этом плане наибольший вклад в историю внес Советский Союз), и жизненность социализма как традиции общественной мысли. Мы намерены посвятить данной проблематике два заключительных раздела нашей статьи.

Не претендуя на новизну, нам хотелось бы напомнить, что еще в 1970 г. Андрей Сахаров прозорливо предупреждал политических руководителей Советского Союза о том, что «реальный социализм» обречен на экономический застой и что Отсутствие демократии стало непреодолимым препятствием для развития страны. Ответом властей было превращение Сахарова в диссидента, а поднятые им вопросы оказались под сукном. Спустя немногим более пятнадцати лет Горбачев встретился с Сахаровым и призвал его участвовать в процессе перестройки. Но было потеряно слишком много времени, и кризис «реального социализма» с неизбежностью разразился.

По ком звонит колокол с падением режимов «реального социализма»? В соответствии с нашей аргументацией речь не обязательно идет о смерти марксизма как социальной теории, несмотря на глубокое воздействие этих политических событий на теорию. Речь идет о дискредитации той ипостаси марксизма, которая была связана с технологией осуществления политической власти.

События, происшедшие в бывших социалистических странах, еще не дают достаточного материала для подведения итогов в части их воздействия на марксизм. Переходные процессы только начинаются, и большинство последствий, вызываемых политическими переменами в экономических, социальных и институциональных структурах этих стран, еще впереди. Хотелось бы выдвинуть две гипотезы по данной проблематике — их подтверждение со всей очевидностью выходит за рамки данной небольшой статьи, однако они могут оказаться полезными для направления дискуссии в необходимое русло.

Первая гипотеза заключается в том, что в марксистской социальной теории возможно найти ценные элементы для объяснения кризиса режимов «реального социализма», хотя весьма вероятно, что данная теория, равно как и любая другая социальная теория, особенно в ее нынешнем состоянии не дает исчерпывающего объяснения всего происшедшего.

Здесь небезынтересно обратиться к мнению Сахарова, относящемуся еще к доперестроечной эпохе. Он утверждал, что трудности, с которыми столкнулось советское общество, коренятся не в социалистическом строе. Напротив, речь идет о таких факторах, которые работают против социализма и чужды ему. Это прежде всего антидемократические традиции и нормы, которые укрепились в жизни общества еще во времена сталинского режима. Ограничения обмена информацией, интеллектуальной свободы и прочие антидемократические меры, осуществленные этим режимом, суть внешние препятствия на пути развития экономики и в то же время цена, заплаченная за индустриализацию. Однако с началом второй промышленной революции эти препятствия, по мнению Сахарова, стали решающим экономическим фактором, главным тормозом в развитии производительных сил. В условиях индустриального общества продолжается разрыв между интеллигенцией, роль которой постоянно возрастает, и государством. Особую надежду Сахаров возлагал на демократизацию, которая призвана возродить духовную жизнь в стране, ликвидировать бюрократические ритуалы, официальное лицемерие и посредственность, занимающие так много места в обществе «реального социализма».

В концептуальном плане мы могли бы попытаться проиллюстрировать кризис «реального социализма», используя марксистские категории.

1. Экономические и социальные достижения «реального социализма» в первые десятилетия его развития — исчезновение официальной безработицы, развитие здравоохранения и образования, высокие темпы экономического роста — были исторически относительно высокими. Они соответствовали этапу, который ныне именуется «индустриальное общество». В этих условиях тенденции к централизации экономики (посредством государства или крупно

ных частных корпораций) оказались эффективными для создания крупномасштабной инфраструктуры, инвестирования промышленности и претворения в жизнь социальных программ.

2. Однако в условиях распространения научно-технической революции на гражданский сектор экономики и с развитием потребительского общества производственные отношения, основанные на централизованном планировании экономики и общественной (государственной в подавляющем большинстве случаев) собственности на средства производства, превратились в препятствие на пути развития производительных сил.

3. В странах «реального социализма» появилась правящая социальная группа, которую трудно охарактеризовать понятием «класс», однако ее контуры довольно четко очерчены — номенклатура. Как и другие правящие классы прошлого она установила контроль над государством, чтобы поддерживать свою власть, и «приватизировала» его. Работы современных советских исследователей показывают, что широкие слои номенклатуры накапливали капитал благодаря контролю над разветвленной «теневой» экономикой, существовавшей в социалистических странах.

4. Номенклатура, как и любая другая правящая группа, выработала официальную идеологию для поддержания своей политической власти. В ней интерес новой правящей группы был представлен как всеобщий, а социалистический строй — как наиболее совершенный тип социальной организации.

Приведенные выше положения указывают на способность марксистской теории дать объяснение определенных явлений, связанных с кризисом «реального социализма».

Вторая гипотеза наводит на мысль, что в марксистской социальной теории имеются понятия, которые в силу своей двусмысленности, недостаточной разработанности или просто ошибочности способствовали становлению «реального социализма». Пример диктатуры пролетариата является в этом смысле весьма поучительным. Данное понятие в своей первоначальной марксистской формулировке не было связано с конкретной формой правления — оно указывало лишь на общее положение о том, что при социализме буржуазия становится подчиненным классом. Однако «реальный социализм» истолковал это понятие как научное обоснование власти государства-партии над обществом. Помимо искажения его первоначального смысла здесь речь идет и о смещении понятий, так как термин «диктатура» неизбежно несет в себе образ авторитарной политической власти. Уже А. Грамши предпринял в рамках марксизма разработку альтернативных понятий, чтобы справиться с трудностями, возникавшими в теории при попытках совмещения таких противоречащих друг другу понятий, как социализм в качестве диктатуры пролетариата и социализм в качестве безбрежной свободы (либертарный строй).

Обе вышеизложенные гипотезы исходят из предпосылки, что изучение кризиса режимов «реального социализма» является своего рода полигоном для проверки различных социальных теорий. (Данный процесс находится пока в своей начальной стадии.) Однако это требует смены установки в рамках общественных наук — речь идет о способности раскрывать потенциал социальных теорий независимо от политических интересов, направленных на развитие или разрушение определенных технологий власти. Возможно, в этом случае кризис «реального социализма» перестанет быть навязчивой идеей и превратится в факт социальной реальности или, говоря словами Дюркгейма, в предмет научного исследования. Эта надежда может быть выражена и по-другому: с окончанием «холодной войны» дискуссии в общественных науках по-видимому, сумеют отделиться от споров о превосходстве какого-либо общественного строя и обрести собственный статус.

Дилемма наших дней

Ныне утопии не волнуют человечество. Нашим современникам известны многие примеры авторитаризма, осуществлявшегося во имя этих утопий. Разочарование усугубляется тем, что несмотря на появление (впервые в истории) методов сознательной материализации утопий, последние все же остались недостижимыми для человека. Однако ирония истории заключается в том, что в жизни человека сохраняются по-прежнему многие из тех проблем, что вызвали в свое время страсть к утопиям: нищета и социальное неравенство, насилие, несправедливость и эксплуатация...

Но наступил ли момент для появления новых утопий? Недавно Ф. Фукуяма в своей получившей широкую известность статье провозгласил конец истории и смерть идеологий. Истинность данных утверждений здесь не столь важна, однако они оказались весьма симптоматичными для нашего времени.

В наши дни, по-видимому, не следует рассчитывать на появление рая земного в человеческих обществах. Напротив, исходя из строгого реализма, мы можем лишь надеяться на создание более высоких форм социальной организации, которые смогут способствовать эффективному решению острых экономических, социальных, экологических и политических проблем нашего времени.

Подобный поиск, вероятно, будет носить асимптотический характер, и это самый верный путь. Иначе крупные проблемы, накапливаясь и не находя своего решения, могут привести к социальному взрыву, который станет угрозой для всего человечества. В наши дни цинизм не должен стать сердцевинной чувствительности человека как бы много циников ни появилось вокруг. До тех пор пока человечество будет накапливать хронические проблемы, дискуссии о формах социальной организации будут продолжаться.

Между тем обретают свои очертания новые социальные цели, и вовсе не следует думать, что мир приближается к некоей эпохе стабильности, в рамках которой будут преобладать PAX AMERICANA и тотальный либерализм. Развал «реального социализма» подтверждает вместе с тем, что нельзя поддерживать какой-либо общественный уклад вопреки требованиям реальности и здравому смыслу, опираясь лишь на обладание властью.

Данное положение применимо и к другим общественным укладам, которые, как кажется, крепко стоят на ногах. Нынешний международный экономический порядок, сложившийся в результате нового равновесия и консенсуса в переходный период, сохранил в себе ярко выраженные тенденции к растущей дифференциации между странами мира. В то время как одни укрепляют свои позиции в мировой экономике, доходы других год от года сокращаются в результате неравного обмена, роста внешней задолженности и огромного экономического и социального отставания. Страны, оказавшиеся позади, в подобных обстоятельствах вынуждены истощать природные ресурсы: леса, почвы, реки, океаны, являющиеся достоянием всей планеты.

Этот международный порядок затрагивает все человечество, он оказывает непосредственное воздействие на экономические, культурные и религиозные интересы широких слоев населения планеты, опасно обостряя политическую обстановку в мире.

Мир, которому угрожают экологический и другие глобальные кризисы, где значительная часть населения страдает от потребления наркотиков, а средства массового уничтожения обнаруживают тенденцию к расплзанию по планете, не может разрешить своих проблем без достижения консенсуса. Одностороннее навязывание развитыми странами Севера порядка, игнори-

рующего интересы остальной части человечества, может вызвать катастрофу непредсказуемого масштаба.

В этих условиях речь идет не о создании новых утопий по образу и подобию утопий XIX в., чтобы установить окончательный мировой порядок, но об устранении опасности приближающейся катастрофы. Следует действовать решительно, обезвреживая один детонатор за другим: создавать эффективные стимулы для разоружения, устанавливать контроль за распространением наркотиков, сохранять окружающую среду. Заслуживают внимания такие предложения, как превращение внешней задолженности стран «третьего мира» в крупный фонд развития, предоставление торговых преференций странам, сокращающим свои армии, установление международных налогов на приобретение наркотиков. Необходимо, таким образом, выстраивать приоритетные потребности эпохи и направлять совместные усилия людей на решение неотложных задач.

Дилеммой наших дней, в отличие от прежних альтернатив века, не является состязание между капитализмом и социализмом с целью демонстрации превосходства того или другого — состязание двух социальных технологий, в котором цель оправдывала средства, а в угоду идеологиям культивировалось безразличие к кричащим социальным и экологическим проблемам, затрагивающим большинство человечества.

Дилемма наших дней определяется реальной возможностью мучительной агонии как раз в тот момент, когда человек окружил себя наибольшим количеством машин и прочих благ и кажется, что до желанной свободы рукой подать.

Для решения указанных проблем и выживания человечества следует выбрать соответствующую социальную технологию. В этой перспективе традиция социалистической мысли будет играть весьма активную роль на международной арене. Ее богатое наследие и опыт совместно с наследием и опытом других традиций могут помочь человечеству преодолеть вредную привычку создавать себе самому грозные проблемы.

© М. Собрало Чавес, Х. Варгас Куллель, 1992 ©

С. Оболенский — перевод на русский, 1992